

Со дня переименования города Павловска, который с момента его основания в 1709 году по реке назывался Осередом, минуло более 300 лет.

Заселение этого района началось еще в конце XVII века¹. В начале 1699 года из Воронежа на реки Битюг, Осередь, Икорец был отправлен капитан Белгородского полка Денис Юрьевич Шникерт со ста солдатами и подьячим для переписи поселений русских людей и черкас. Острогожскому полковнику Ф.И. Куколеву (Куколю) следовало предоставить вожей (проводников). Они должны были довести переписную команду до «тех всех мест» и указать их «без утайки»². Печально известный указ Петра I от 23 апреля 1699 года об уничтожении новых селений на реке Битюг, реализованный в погроме осенью того же года³, вероятно, затронул и район реки Осереды. Спустя десять лет в месте ее впадения в Дон были заложены крепость и верфь.

Е.А. Болховитинов полагал, что переименование Осереда было связано с памятью о Павловской крепости, устроенной в 1702 году в устье реки Миус и уничтоженной после поражения России в войне с турками 1711 году⁴. Эта версия получила большое распространение. Ее восприняли павловские краеведы в XIX веке⁵, она же попала и в Википедию⁶. Однако первый воронежский историк не знал, что в Приазовье в конце XVII — начале XVIII веков существовали два населенных

пункта с названием «Павловский». Один из них начал строиться в 1697 году на Петрушиной косе как первая русская крепость на Миусском полуострове. Город был разрушен в 1702 году из-за строительства новой Троицкой линии⁷. В документе 1711 года он назван «старым Павловским»,⁸ поскольку к этому времени на левом берегу реки Миус, замыкая один из флангов вышеупомянутой оборонительной линии, был возведен Павловский шанец — земляное укрепление, представлявшее правильный четырехугольник с бастионами по углам. Он фигурирует в списке населенных пунктов Азовской губернии 1709 года.

Шанец не был разрушен после подписания Прутского мирного договора. Он упоминается как место сбора конницы в 1738 году и почти полностью сохранился до наших дней⁹. Существование этого укрепления, вероятно, и обусловило для различия «старого» и «нового» Павловска упоминание в документах Новопавловской крепости или Павловска на реке Осереды. Но поселения в Приазовье не передавали свое название создаваемому городу в Придонье, в который в феврале 1715 года губернатор Ф.М. Апраксин приказал собрать «изо всех мест» посадских людей, высланных ранее из Азова и Таганрога¹⁰. В таком случае было бы уместнее переименовать Осеред в Новоазовскую или Новотаганрогскую крепости. Решение поставленного вопроса, как нам представляется, находится в другой плоскости.

Петр I активно пропагандировал культ широко почитаемых на Руси первоверховных апостолов Петра и Павла, в день памяти которых (29 июня по старому стилю) царь был крещен. Их имена были запечатлены в первых многопушечных кораблях Азовской флотилии 1696 года, заложенных в 1697 году в Приазовье, в городах Петровском и уже упомянутом Павловском, построенных в 1698 году на реке Медведице в Петровском (ныне в Саратовской области) и на месте слияния рек Хопра и Вороны в Павловском (с 1704 года назван Борисоглебском). В честь небесного покровителя царя получила свое название будущая столица империи с ее Петропавловской крепостью и одноименным собором. Последний в камне был заложен 30 мая 1712 года.

В Осередской крепости в том же году архиепископ Воронежский и Елецкий Арсений (Костюрин) освятил деревянный собор во имя апостолов Петра и Павла¹¹. Это свидетельство Е.А. Болховитинова, возможно, основанное на тексте несохранившегося закладного креста, позволяет заключить, что 75-летний архиерей для проведения чина освящения предпринял новое путешествие по Дону. Ранее, в 1709 году, он уже осуществлял подобное плавание вместе с Петром и видел место будущего Павловска. Архиепископ скончался 18 июля 1712 года, и по удивительному совпадению его тело месяц до погребения покоилось в Воронеже, в теплой «соборной церкви» в честь тех же первоверховных апостолов¹².

В память одного из них Осеред и получил свое окончательное наименование. 11 июня 1715 года азовский вице-губернатор С.А. Кольчев проинформировал Ф.М. Апраксина: «Крепость...Серецкую по указу Е.И.В. во имя св. апостола Павла называть и писать Павловской прикажу»¹³. В 1732 году городу был пожалован герб с изображением апостола, утвержденный в 1781 и 1799 годах¹⁴.

В 1769 году павловский бургомистр В. Рязанов от имени купечества подал донесение приехавшему академику Самуилу Гмелину. В документе приведены сведения о занятиях жителей, значимых событиях, существующих проблемах. Купцы были осведомлены о существовании указа, наименовавшего их город в честь апостола Павла, хотя и ошибочно полагали, что крепость основана и «собственно расположена» во время первого Азовского похода, строительство же началось около 1708 года¹⁵.

В их память глубоко врезалась чума 1738 года, от которой умерло более 200 купцов из 559. Закон не учитывал никакие форс-мажорные обстоятельства, и выжившие платили подушную подать за умерших вплоть до второй ревизии. 347 купцов занимались перепродажей товаров, закупаемых в Москве, на Лебедянской ярмарке и в донских станицах.

Архивное фото Павловска

Купечество беспокоил факт захвата отданных им земель влиятельным генералом М.И. Сафоновым. Затронута в донесении С. Гмелину была и проблема сохранения Шипова леса, куда ежегодно из крепости св. Димитрия приезжали команды, вели лесозаготовки и сплавляли деревья плотами. Урон наносили и поселившиеся возле леса малороссияне, которые «нагло» опустошали его, способствуя превращению в открытое поле. Свою лепту в сведение лесов, несомненно, вносил и находившийся в уезде на р. Толучеевке железный завод генерал-провиантмейстера Римского-Корсакова.

Для краеведов будет небезынтересным факт отсутствия в Павловске отдельного архива и приспособления внутри крепости для хранения дел ветхого деревянного «покая». Канцелярия уверяла С.Г. Гмелина в немедленности выявления нужных ему сведений: «Есть ли надобность будет чего в них посмотреть, то кому Ваше высокоблагородие сие препоручить соизволите, показание учинено будет без умедления»¹⁶.

В надежде на помощь ученого гостя начальники обращались к нему с весьма неожиданными просьбами. Освященный Арсением (Костюриным) Петропавловский собор простоял «не более 12 лет» и ночью рухнул. Построенная на другом месте на казенные деньги соборная Преображенская церковь к концу 1760-х годов пришла в такую ветхость, что стены приходилось подпирать столбами, а людям в храме было опасно находиться. Запросы в высшие инстанции ничего не дали. Поэтому правящий в Павловске должность коменданта Василий Острецов в 1769 году просил С.Г. Гмелина вместить этот рапорт в журнал и «со временем яко о богоугодном деле, где пристойно, представить»¹⁷. В 1773 году во время пожара храм сгорел, а молодой академик умер в следующем году, так и не закончив путешествие. Только в 1780 году на месте канувшего в Лету храма был выстроен каменный Преображенский собор с приделом св. апостолов Петра и Павла¹⁸.

Несколько примечательных документов по истории Павловска сохранились в научном архиве Русского географического общества. Два из них принадлежат перу штатного смотрителя уездного училища Василия Кашина. В 1849 году он составил небольшое «Историческое и этнографическое описание города Павловска»¹⁹. В вопросе основания и наименования города краевед не был оригинален, переписав информацию у Е.А. Болховитинова.

В. Кашин не скрывал своего восхищения личностью Петра, связывая с ним, со слов старожилов, уцелевшие в городе «из памятников древности» девять тополей. Руки царя смогли даже преодолеть природу песчаной почвы, чего не удалось сделать его последователям, ибо «никаким искусством» и трудами посаженные деревья на местном грунте не могут существовать более 6–10 лет. Между тем тополя, росшие на окраине города, как бы сторожили его более 140 лет, «а взаимный взгляд на них жителя ежeminутно» воскрешал гений императора Петра Великого²⁰. Отметим, что попытка привязать вековые деревья к его имени, особенно там, где не сохранилось материальных памятников — достаточно распространенный пример в мемуарах и преданиях.

Связь города с царем обеспечивали не только деревья, но и две иконы, принесенные им в дар (Преображения Господня и Божией Матери) и сохранившиеся в кафедральном соборе.

Очень ценным является приведенное В. Кашиным свидетельство о старожиле купце Гаврииле Панкратове, в доме которого в свою бытность в Павловске останавливался Петр. Это могло быть лишь в 1722 году. Купец имел семь сыновей. Один был «жесток умерщвлен» во время войны с турками (видимо, в 1735–1739 годах), пять умерли от морового поветрия (без сомнения, это 1738 год). Оставшийся сын Иван «по одинокости своему» принял фамилию Одинцов. Его внуки Федор и Иван пользовались, по словам В. Кашина, несмотря на весьма ограниченное состояние, достойным уважением всех сословий. Иван Одинцов служил попеременно городским головой. Его деятельностью Павловск был спасен в 1849 году от затопления из-за соединения половодья с Тамбовским озером²¹. История о пребывании Петра I в доме его прадеда, конечно, укрепляла авторитет градоначальника.

В. Кашин засвидетельствовал упоминаемые Е.А. Болховитиновым основные промыслы жителей Павловска. В сельском хозяйстве главный из них состоял в выращивании на бахчах арбузов и огурцов. Несмотря на нередкие убытки, павловцы продолжали, по их словам, приведенным зрителем училища, «засевать землю деньгами». С 1836 года жители начали «в избытке» заниматься хлебопашеством.

Женщины, кроме огородных и полевых работ, специализировались на вязании одной иглой шерстяных русских чулок и варежек, заготавливая товар на сумму до 1000 рублей серебром в год. «Это постоянное занятие от 10 до 70-летнего возраста с ними неразлучно, гонит ли корову в стадо, идет ли на базар, в огород и проч. Всегда с чулком в руках, словом сказать, с этим занятием разлучает их только сон»²².

В 1850 году Василий Кашин стал очевидцем проезда через город Павловск великого князя Александра Николаевича. Спустя неделю после этого события он, обуреваемый еще не утихшими чувствами, передал в краткой зарисовке эмоциональный настрой, царивший накануне. Это свидетельство не столько информативное, сколько запоминающееся своей искренней преданностью.

«Вот едет! Вот едет!...сколько приятной суеты, сколько отрады русскому провинциалу видеть царя...Улицы города 3 и 4 ноября до глубокой ночи и рассвета награждены были толпою народа, бродившего с безотчетною радостью от квартиры, предназначенной Его Императорскому Высочеству до заставы города с живою верою и нетерпением видеть в жизни хотя раз наследника царя... сама стихия, как бы стремясь к ожиданию Его, чтобы вместе с народом торжествовать столь радостное событие, волновалась сильным ветром, метелью, ураганом, градом и дождем...»

Александр приехал полвосьмого утра 5 ноября, и, продолжая изливать дифирамбы автор, «успокоилось сердце русского народа, утихла стихия». В 8 часов он принял хлеб-соль от городского головы и почетных граждан, а затем расспросил о состоянии города.

В. Кашин, стоя в толпе и «читавши на лице каждого безотчетные чувства и преданность», передал далее отношение жителей Павловска к незаурядному событию.

«При выходе наследника из экипажа некоторые, крестясь, говорили: “Батюшка наш

царь, он беденькой озяб, Господи, согрей Его, ах! беденький!» Другая, посмотрев наследника, толкает подругу и говорит: «Пойдем скорей на базар, купим говядины и придем опять смотреть». На это отвечала ей подруга с огорчением: «Как ты глупа, базар от нас не уйдет, и мы всегда сыты, а царя, Боже сохрани, теперь не посмотреть, то приведет ли Бог его в роду видеть, иди, если хочешь есть, ненасытная, а я не пойду, лучше голодом пробуду день, как тебе не грех». И женщина, заключал В. Кашин, с начертанным на лице чувством совести осталась до последнего прощального ура, сопровождаемого в 9 часов утра «со святою преданностью и с чувством радости запечатленного события в сердце каждого»²³.

Еще одно небольшое сочинение на 29 листах «О жителях города Павловска»²⁴ написал в 1855 году священник местной Казанской церкви Ипполит Скрыбин. Автор обрисовал их внешний облик, быт, язык, одежду, пищу, обычаи, в том числе погребальные, свадебные обряды, крестные ходы, болезни, предания²⁵.

В отличие от В. Кашина, упоминает И. Скрыбин уже не о тополях, а о нескольких «величественных вербах», насажденных рукой царя и растущих на земляном валу со времени основания города. «Вот незабвенный памятник деятельного пребывания Петрова в сем крае», — резюмировал священник²⁶. Деревья сохранились в местечке, называемом Рай-городок²⁷. Во время ярмарки, писал И. Скрыбин, здесь работал трактир и винная выставка, шел пир горой: «Пьют, гуляют, веселятся — точный земной рай, бедный забывает свою бедность, а богатый теряет свое достоинство и солидность»²⁸. По мнению автора, главный нравственный недостаток павловцев — непомерное честолюбие. Среднестатистический горожанин «равен в церкви, горд в обществе и богат на рынке».

Из шести полковых церквей уцелели только две: Казанская и Покровская, остальные сгорели в 1744 году. «Памятниками их существования остались в земле одни кости покойников».

Утраты, причем новейшие, коснулись и документальных реликвий. Перепечатанную В. Кашиным одну из грамот казанского митрополита Тихона петровской эпохи к своей переселившейся на Осеред пастве И. Скрыбин уже называет утерянной.

В сознании жителей Павловска в середине XIX века сохранялись передаваемые из поколения в поколение рассказы о том, что Петр заселял Азов и Таганрог лучшими и богатейшими семействами, которые затем были переселены в их город. Эту связь со своим основателем павловцы продолжали ощущать и спустя полтора века через предания о посаженных царем-реформатором деревьях и подаренных им иконах.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Комолов Н.А. Павловская крепость в XVIII в. // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный бюллетень. Воронеж, 2008. Вып. 6. С. 129.

² РГАДА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 408. Л. 1–2.

³ Загоровский В.П. Петр Великий на воронежской земле. Воронеж, 1996. С. 68, 76.

⁴ Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Вступит. статья и примечания А.Н. Акиншина. Воронеж, 2011. С. 81–82.

⁵ Кашин В. Историческое и этнографическое описание города Павловска 1849 г. // Научный архив Русского географического общества (далее — РГО). Р. 9. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.

⁶ Электронный ресурс. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Павловск \(Воронежская область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Павловск_(Воронежская_область)). — Дата обращения: 30.04.2016.

⁷ Аваков П.А. Северо-Восточное Приазовье в составе Российского государства в конце XVII — начале XVIII в.: завоевание, колонизация и управление: дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010. С. 133, 172, 309.

⁸ Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов-на-Дону, 2009. С. 87.

⁹ Аваков П.А. Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 61–64.

¹⁰ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 54–55. Это было связано с необходимостью повысить собираемость губернских налогов до передачи Бахмута (в 1924–2016 гг. — г. Артемовск), где многие занимались промыслами, Поместному приказу.

¹¹ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 81.

¹² Комолов Н.А. Архиепископ Арсений (Костюрин). 1704–1712 / Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней: Историко-биографические очерки / Ред.-сост. А.Н. Акиншин. Воронеж, 2003. С. 91–93.

¹³ РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 174 об.; Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Воронеж, 1997. С. 194.

¹⁴ Описание Воронежского наместничества 1785 года / Отв. ред. В.П. Загоровский. Воронеж, 1982. С. 66; Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 88.

¹⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук (далее — СПбФ АРАН). Р. I. Оп. 100. Д. 16. Л. 21 об.

¹⁶ Там же. Л. 13 и об., 16 и об., 21–22.

¹⁷ Там же. Л. 11 и об.

¹⁸ Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 84.

¹⁹ Научный архив РГО. Р. 9. Оп. 1. Ед. хр. 18.

²⁰ В. Кашин также писал о сохранившихся развалинах земляного вала, но не привязывал к ним тополя. В другом источнике упоминается, что на самом валу росло 11 «весьма древних тополей», будто бы существовавших со времен Петра (Исторические черты и статистическое описание Воронежской губернии // Отечественные записки. 1828. Ч. 34. № 98. С. 365).

²¹ Озеро, расположенное на расстоянии двадцати саженей от Дона, появилось от «великого прилива» полой воды в 1728 г. Прежде на этом месте была населена слобода, в которой квартировал Тамбовский полк, отчего и озеро получило название Тамбовское. Оно никогда не пересыхало, так как подпитывалось родниками (Научный архив РГО. Р. 9. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 26 об.; Болховитинов Е.А. Указ. соч. С. 87).

²² Там же. Ед. хр. 18. Л. 1–9; Ед. хр. 36. Л. 22 об.

²³ Там же. Ед. хр. 26. Л. 1 и об.

²⁴ Там же. Ед. хр. 36. Текст сильно выцвел и плохо читается.

²⁵ Любопытное предание связано с расположенным в двух верстах от Павловска высоким островом, называемым Городищем. По рассказам стариков, во время пребывания в крае татар на острове были ханский терем и капища (Там же. Л. 29).

²⁶ Там же. Л. 27.

²⁷ Этот земляной возвышенный редут в 1827 г. находился при шлагбауме, который раньше назывался Красными воротами (Исторические черты и статистическое описание Воронежской губернии. С. 365).

²⁸ Там же. Л. 27.